

УДК 94(481).081

Арбеков А.Б., кандидат исторических наук, научный сотрудник, Тульский государственный музей оружия, старший преподаватель, Тульский государственный педагогический университет имени Л.Н. Толстого (Россия)

СТРАТЕГИЯ ВЕЛИКОБРИТАНИИ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКИХ ВОЕННЫХ АГЕНТОВ В ЛОНДОНЕ

В статье подвергается изучению британская военная стратегия в годы, предшествовавшие началу Первой мировой войны, сквозь призму аналитики российских военных агентов в Лондоне. Подобная исследовательская оптика позволяет более объективно рассмотреть с позиции компетентных военно-дипломатических представителей Российской империи действия правительства Соединенного Королевства и высшего командования британской армии в предвоенное десятилетие в контексте развивавшегося военно-политического кризиса в Европе. Источниковой базой для исследования послужили материалы донесений российских военных агентов в Лондоне за период 1905–1913 гг. Эти рапорты содержат ценные сведения о процессе подготовки британской армии и ее высшего военного командования к Первой мировой войне. Подготовка выражалась в оптимизации сухопутных вооруженных сил и отработке посредством ежегодных военных маневров различных боевых сценариев, в которых британская армия могла принять непосредственное участие. На основе проведенного исследования формулируется вывод, что российские военные агенты достаточно верно считывали актуальную стратегию Великобритании, направленную на поддержку Франции в предстоящем вооруженном конфликте с Германией. В свою очередь сведения, поставлявшиеся из Лондона в Петербург, ложились в фундамент российской военно-стратегического планирования накануне Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, Великобритания, Германия, Россия, Франция, военная разведка, военная стратегия, военные агенты, военные маневры.

DOI: 10.22281/2413-9912-2024-08-02-16-25

Введение. В 2024 г. отмечается 110-летие с начала Великой войны, приведшей к глобальным изменениям в мировой политической и социально-экономической архитектонике. Несмотря на то, что пламя этого масштабного конфликта угасло более столетия назад, многие его аспекты с исторической точки зрения сохраняют свою актуальность до сих пор.

Сегодня многие исследователи занимаются анализом предпосылок и причин вспыхнувшего в 1914 г. мирового пожара и задаются вопросом, был ли он действительно неизбежным? [4; 6; 19] Не вдаваясь в суть этой научной полемики, отметим, что одной из дискуссионных площадок по истории Первой мировой войны выступает проблема позиции Великобритании и избранной ее правительством стратегии в предвоенное десятилетие. Некоторые историки, такие как Н. Фергюсон, полагают, что противоречия Соединенного Королевства со Вторым рейхом не носили неразрешимого характера, поскольку «ни колониальные, ни военно-морские вопросы до 1914 г. не вели неминуемо к англо-германскому столкновению» [19, с. 110]. Поэтому, с точки зрения британского историка, на процесс эскалации конфликта между двумя державами в значительной степени влиял личностный фактор. Так, глава британского Форин-офис лорд Эдвард Грей, взявший курс на конфронтацию с Берлином, с одной стороны, заверял французских политиков в оказании военной помощи на случай столкновения с

Германией, о чем также уведомлял во время Агдирского кризиса 1911 г. российских дипломатических и военных представителей в Лондоне [14, л. 21]. С другой – внешне придерживался позиции «свободы рук», поскольку данные Третьей республике обязательства не фиксировались на бумаге [6, с. 263–264; 10, с. 120]. По мнению австралийского историка К. Кларка, двойственная риторика главы британского Форин-офиса создавала в Берлине обманчивое впечатление «как будто бы Британия может остаться в стороне от континентальной коалиции, особенно если франко-российский альянс проявит агрессивную инициативу против Германии» [6, с. 263–264]. Соответственно, из этого тезиса следует, что более твердая и прямолинейная позиция Лондона во франко-германском конфликте могла послужить инструментом сдерживания агрессивных настроений в Берлине и позволила бы остудить «горячие головы» перед перспективой развязывания мировой бойни, в горниле которой погибнет и сама Германская империя.

Наряду с критикой действий ангигерманской партии лорда Грея в британском правительстве накануне Первой мировой войны, некоторые исследователи подвергали осуждению и переориентацию «старой военной политики Англии», ранее успешно избегавшей полномасштабного вовлечения в сухопутные военные конфликты в Европе, на континентальную борьбу с Германией. Подобных взглядов придерживался, например, знаменитый

британский военный историк и теоретик, автор концепции «стратегии непрямых действий», Б. Лиддел-Гарт [7, с. 204]. Он считал, что именно тесные контакты военных кругов Великобритании и Франции в 1904–1914 гг. «подготовили почву» для «европеизации» британского военного мышления [7, с. 205]. Следует указать, что изменения британской военной стратегии происходили на рубеже XIX–XX столетий в первую очередь под влиянием фактора «русской угрозы» Индии. К 1902 г. высшие чины Военного ведомства и Адмиралтейства признали невозможность проведения эффективных военно-морских и десантных операций против России, как это было во времена Крымской войны 1853–1856 гг. В этой связи британское командование стало придерживаться именно континентальной концепции противостояния с Российской империей на ближайших подступах к Индии, в частности в Афганистане [22, р. 99–112]. Соответственно, после достижения Тройственного соглашения континентальная логика британского военного мышления, ранее нацеленная на борьбу с империей Романовых, стала экстраполироваться на Германию.

Не претендуя поставить точку в этих дискуссиях, тем не менее считаем необходимым для изучения стратегии Великобритании и предпосылок ее «европеизации» накануне Первой мировой войны обратиться к аналитике российских военных агентов в Лондоне.

Российская военная разведка в Великобритании в начале XX столетия уже становилась объектом научных изысканий Е.Ю. Сергеева и А.А. Улуныяна [18], которые в совместной монографии проанализировали основные направления ее деятельности. Однако за счет привлечения новых источников из российских архивов и результатов исследований последнего десятилетия по истории Первой мировой войны представляется возможным дополнить имеющиеся научные данные и представления о стратегии Великобритании в предвоенные годы на основе донесений российских военных агентов в Лондоне.

Объект и методы исследования. Объектом исследования является деятельность российских военных агентов в Лондоне, направленная на изучение и анализ военной стратегии Великобритании накануне Первой мировой войны. Методологической основой для исследования выступили принципы историзма и объективности, специально-исторические методы, такие как историко-системный, историко-сравнительный и историко-типологический.

Результаты и их обсуждение. Военными агентами называли офицеров, прикрепленных к составу российского дипломатического корпуса в стране-аккредитации. В их задачу входило скрупулезное изучение вооруженных сил иностранных

государств на основе данных, носивших открытый, т.е., публичный характер, хотя нередко «дипломаты в погонах» прибегали к незаконным методам приобретения различной, в том числе секретной, информации. Согласно тексту «Инструкции военным агентам и лицам их заменяющим» от 5 (18) августа 1912 г., Великобритания к этому моменту не входила в категорию государств, подобно Германии и Австро-Венгрии, из столиц которых «дипломаты в погонах» обязались пересылать в Главное управление Генерального штаба (ГУГШ) «все» официальные военные уставы, инструкции и сметы, изданные в стране пребывания. Военным агентам в Лондоне было достаточно информировать Петербург лишь о «главных» постановлениях местного Военного министерства [18, с. 450]. Подобная расстановка акцентов демонстрирует, что после соглашения от 31 августа 1907 г. о разделе сфер влияния на Среднем и Дальнем Востоке, в России перестали воспринимать Великобританию как однозначно ключевого внешнеполитического соперника, поставив на первое место в этом списке именно блок центральных держав. Как указывают Е.Ю. Сергеев и А.А. Улуныян, в исследуемый период «главное внимание русской военной разведки на британском направлении ее деятельности было сосредоточено на сборе информации и прогнозировании такой стратегической ситуации, при которой Соединенное Королевство не смогло бы уклониться от выступления против Тройственного союза на стороне России и Франции» [18, с. 198].

С 1907 по 1917 гг. пост военного агента в Лондоне занимал генерал-майор (с 1909 г. – генерал-лейтенант) Николай Сергеевич Ермолов, ранее исполнявший аналогичную должность в британской столице в 1891–1905 гг. Учитывая богатый опыт военно-дипломатического представительства в Великобритании, следует констатировать, что генерал Н.С. Ермолов в то время являлся наиболее компетентным российским военным специалистом по британским вооруженным силам. Военному агенту в Лондоне был положен помощник, пост которого в 1906–1912 гг. занимал подполковник Николай Лаврентьевич Голевский и сменивший его полковник Борис Анатольевич Семенов в 1912–1913 гг.

К исходу первой декады XX столетия генерал Н.С. Ермолов фиксировал в своих донесениях нарастающую тревогу на Туманном Альбионе в связи с провозглашением в Германии курса на «мировую политику» (Weltpolitik). Она подразумевала значительное развитие германского военно-морского флота и, как следствие, гонку военно-морских вооружений с Великобританией, правящие круги которой традиционно болезненно воспринимали любые попытки попиранья безоговорочного господства своей страны на

морях [8]. На этом фоне генерал Н.С. Ермолов в рапорте от 18 (31) марта 1909 г. сообщал в Петербург: «Раздаются в прессе и в общественном мнении жалобы на Адмиралтейство, на адмирала сэра Джона Фишера, что прозевали быстрый рост могущества Германии на море» [13, л. 48/об.]. В сложившейся ситуации существенно повышалось значение сухопутных вооруженных сил как средства защиты от возможного вторжения Германии на Британские острова. В этой связи российский военный агент в Лондоне указывал, что различные слои британского социума были «весьма озабочены возможным столкновением с Германией и желали бы знать, хотя бы в общих чертах, взгляды Генерального штаба по вопросу о государственной обороне против возможного германского нашествия» [13, л. 1/об.].

Германская ориентация британского военно-стратегического планирования в преддверии Первой мировой войны, помимо обострения гонки военно-морских вооружений, была также взаимообусловлена разрядкой прежних внешнеполитических противоречий Великобритании с Францией и Россией. В 1904 г. между Лондоном и Парижем было заключено «сердечное соглашение» по разделу сфер влияния в Африке, в Индокитае и бассейнах Индийского и Тихого океанов. В 1907 г. Лондон также частично урегулировал спорные вопросы с Петербургом в Персии, Тибете и Афганистане, что способствовало складыванию Тройственного соглашения [17, с. 105–106].

Вопрос о вероятном военном столкновении Германии и Великобритании в союзе с Францией приобрел актуальность в свете Танжерского кризиса 1905–1906 гг. В январе – мае 1905 г. начальник оперативного отдела британского Генерального штаба генерал-майор Дж. Гирсон организовал большую трехстороннюю стратегическую игру, которая моделировала сценарий довольно приближенный к событиям 1914 г. Предполагалось, что столкновение Франции и Германии на их совместной границе зашло в позиционный тупик, в связи с чем германское командование решило осуществить глубокий обход левого фланга французской армии через территорию Бельгии силами 8 армейских корпусов и 3 кавалерийских дивизий общей численностью 470 тыс. чел. Поскольку 100-тысячная бельгийская армия не могла успешно сопротивляться германскому вторжению, подразумевалось, что для ее поддержки Великобритания отправит экспедиционный корпус в Антверпен. Однако результаты стратегической игры 1905 г. для британского генералитета были неутешительными. Оказалось, что из-за ограниченного количества транспортных средств переброска британского десанта в

Бельгию занимала целый месяц. За это время германская сторона была способна одержать вверх прежде, чем англо-бельгийская коалиция организует достаточный отпор интервентам. В этой связи становилось очевидно, что прежние британские военные приготовления не отвечали актуальной ситуации в Европе: Бельгия и Франция могли потерпеть поражение до того, как Великобритания вмешается в ход конфликта. В общем выводе по итогам стратегической игры констатировалось, что «будет мало шансов остановить немецкий фланговый обход [через Бельгию, чтобы миновать французские позиции на Маасе], если британские войска не придут на театр военных действий быстро и в значительном количестве» [22, р. 108; 23, р. 46–47].

События последовавшего Танжерского кризиса привели к консолидации англо-французской Антанты и обострению англо-германских отношений, что своевременно фиксировали в своих донесениях российские «дипломаты в погонах». 15 (28) декабря 1905 г. российский военный агент Константин Ипполитович Вогак, сменщик генерала Н.С. Ермолова на ответственном посту в Лондоне, сообщал в Петербург, что на предстоявшей Альхесирасской конференции по марокканскому вопросу британское правительство планировало «оказать поддержку Франции» и всячески воздерживаться от «официальных шагов по сближению с Германией» [11, л. 162]. Наряду с этим российские военные агенты информировали ГУГШ о негласных консультациях британского и французского генералитета на предмет совместных действий. Так, в рапорте от 23 июля (6 августа) 1906 г. докладывалось о командировке генерала Джона Френча во Францию для присутствия на военных маневрах. Однако, по имеющимся сведениям, «главнейшей целью этого путешествия является совещание генерала (Френча. – А.А.) с представителями французского военного ведомства по вопросу совместных в случае надобности операциях французской и английской армии на европейском материке, как результат последнего англо-французского соглашения» [11, л. 305].

В связи с новым витком англо-германской гонки военно-морских вооружений генерал Н.С. Ермолов в 1909 г. уведомлял ГУГШ о «кипучей» деятельности британского Генерального штаба по разработке «отдельных оперативных задач на случай войны Англии с разными державами», а также по проведению ряда реформ с целью реорганизации сухопутных вооруженных сил Великобритании [18, с. 201–202]. Несмотря на то, что после прихода к власти в декабре 1905 г. либерального кабинета Г. Кемпбелл-Баннермана основным лозунгом британского правительства стал

«Мир, экономия и реформы», значительное внимание английскими политиками в предвоенные годы было уделено именно состоянию армии [6, с. 280]. В результате преобразований военного министра Ричарда Холдейна в 1906–1912 гг. были сформированы Британские Экспедиционные силы (БЭС) и Территориальная армия (ТА) во главе с Имперским Генеральным штабом, осуществлявшим планирование и координацию действий войск метрополий и ее колоний.

Российские военные агенты в Лондоне довольно неоднозначно оценивали итоги военных реформ Р. Холдейна. По предвоенным планам Имперского Генерального штаба предполагалось, что БЭС общей численностью примерно 150 тыс. чел. будут состоять из 6 пехотных и 1 кавалерийской дивизий и соответствующих вспомогательных и тыловых частей [5, с. 46–47]. Однако генерал Н.С. Ермолов на основе разных сведений, имевшихся в его распоряжении, сделал вывод, что Великобритания в случае эскалации конфликта в Европе на первом его этапе сможет выставить на поле боя только 4 пехотных дивизий и 2 кавалерийские бригады, в связи с чем общая численность БЭС уменьшится до 80 тыс. чел. [14, л. 47/об.] Прогноз опытного российского «дипломата в погонах» оказался полностью верным. В августе 1914 г. британское правительство решилось на отправку только 4-х дивизий, оставив 2 для защиты Британских островов от германского вторжения [20, р. 176]. Оставшиеся два соединения получили приказ о передислокации во Францию 23 августа и 8 сентября 1914 г. [21, р. 209]. На это решение оказывали серьезное влияние политический фактор и разобщенность британских военных и морских стратегов относительно характера мер, которые следовало предпринять в случае войны с Германией. Генерал Н.С. Ермолов в одном из донесений указывал, что «английский Генеральный штаб теоретически разработал план отправки на материк Европы всей регулярной армии, но план этот встретил неодобрение кабинета и решительное сопротивление со стороны флота» [14, л. 30/об.].

При этом российские военные агенты в Лондоне отмечали общую «рыхлую» основу БЭС, поскольку высших тактических соединений, таких как дивизии или корпуса, «в мирное время или вовсе не существует или имеют только слабые кадры или <...> те, организация которых в мирное время не соответствуют намеченной для них организации в поле» [5, с. 40]. Поэтому при мобилизации британская экспедиционная армия спорадично формировалась «не из определенных заранее частей», а из тех батальонов и полков, что располагались в мирное время в пределах самой метрополии [5, с. 46]. Данная мера была в значительной степени обусловлена возвратом в рамках реформ

Холдейна к системе баланса пехотных батальонов, по которой одна половина из них в мирное время служила в метрополии, другая – в колониях.

В гораздо большей степени в рапортах российских военных агентов подвергалась критике реформа по созданию ТА как альтернатива введению в Великобританию всеобщей воинской повинности. Реорганизация данной категории сухопутных вооруженных осуществлялась на основе прежних вспомогательных категорий войск – йоменри и волонтеров, предназначавшихся исключительно для защиты Британских островов. Однако после военных преобразований Холдейна в задачи ТА теперь входила «не только оборона метрополии, но и дальнейшее пополнение перволинейной (т.е., экспедиционной. – А.А.) армии» [5, с. 47]. В этой связи российские военные агенты уделяли значительное внимание уровню подготовки ТА, которая фактически должна была выступать в качестве резерва БЭС.

В донесении от 15 (28) февраля 1912 г. подполковник Н.Л. Голеевский констатировал, что за 5 лет существования ТА сохранялся хронический «некомплект, колеблющийся около 5% для офицеров и 13–15% для нижних чинов», который при этом «год от года увеличивается» [15, л. 16/об.]. Подготовка данной категории войск была «по-прежнему недостаточна», вследствие чего британская ТА, по заключению подполковника Н.Л. Голеевского, представляла собой «250 тыс. едва обученных обывателей» [15, л. 17/об.]. По этой причине трудно согласиться с точкой зрения историка К. Кларка, который, освещая события Агадирского кризиса 1911 г., утверждал, что «в гораздо большей степени, чем любая из двух изначально враждовавших сторон, Великобритания была готова к возможности резкой военной эскалации» [6, с. 272].

Свое мнение относительно результатов реформ Холдейна российские военные агенты формировали не только за счет официальных сведений, публиковавшихся британским правительством, но и по итогам наблюдений за военными маневрами, проводившимся в Великобритании в преддверии Первой мировой войны практически ежегодно (за некоторыми исключениями) [20]. В фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) отложилось несколько отчетов российских военных агентов по итогам этих учений, которые позволяли военным аналитикам в Петербурге оценить уровень высшего командного состава и тактической подготовки британской регулярной армии, составлявшей фундамент БЭС, и рассмотреть конкретные сценарии боевых действий, последовательно «репетируемых» британскими генералами в предвоенное десятилетие.

По итогам маневров войск, проводившихся на равнине Солсбери с 1 по 6 сентября 1907 г., капитан Н.Л. Голеевский составил соответствующий рапорт. В учениях участвовало около 30 тыс. чел. различных родов войск, разделенных на две армии – синюю под командованием генерала Яна Гамильтона и красную под командованием генерала Фредерика Стопфорда. Знаменательно, что оба высокопоставленных офицера впоследствии примут участие в провальной Дарданелльской операции 1915–1916 гг., где проявят себя далеко не с лучшей стороны [21, р. 400–406].

По легенде маневров, синяя сторона приобрела полное господство на море, высадила на британском побережье 60-тысячный десант, заняла Мальборо и двинулась на Лондон с целью захватить его, прежде чем красная армия закончит свою мобилизацию [12, л. 3]. К 27 августа красным удалось сосредоточить свои основные силы у столицы, и 28–29 августа произошло столкновение сторон, в результате которого победитель не был выявлен, но обе армии понесли тяжелее потери. 30 августа синие начали отступление к побережью, так как их расчет на внезапное вторжение не осуществился [12, л. 3/об.]. По плану маневров в задачи Я. Гамильтона входило прикрытие отступления мнимых главных сил синей стороны, а красная армия Ф. Стопфорда имела цель преследовать и «сбросить противника в море» [12, л. 4–5/об.].

В течение следующих нескольких дней происходили активные боестолкновения между двумя противоборствующими отрядами, победы в которых, несмотря на частные успехи генерала Гамильтона, достигала именно красная армия генерала Стопфорда. В конечном итоге командующему синим отрядом к последнему дню маневров 6 сентября удалось эвакуировать всю свою кавалерию, одну пехотную бригаду и большую часть артиллерии, в то время как основная масса его войск (три пехотные бригады), прикрывавших отступление, фактически попали под перекрестный огонь и в полуокружение красной армии. Капитан Н.Л. Голеевский констатировал, что в обстановке реального боя оставшиеся части синего отряда «были бы <...> уничтожены», в связи с чем их «отступление, а тем более посадка на суда <...> становилась невозможной» [12, л. 33].

Анализируя действия обеих сторон, российские военные наблюдатели обращали особое внимание на то, что в большинстве случаев командующие отрядами не предпринимали необходимых мер по разведке позиций и месторасположения неприятеля, предпочитая действовать «втемную» [12, л. 12/об.], из-за чего ни генерал Гамильтон, ни генерал Стопфорд не имели «никаких определенных сведений о передвижениях»

друг друга [12, л. 10]. При этом командир синего отряда с первого дня маневров решил «взять инициативу в свои руки» и «прикрывать, наступая». 2 сентября, несмотря на численное превосходство противника, заранее расположившегося на возвышенности, генерал Гамильтон приказал атаковать войска генерала Стопфорда [12, л. 10/об.]. В результате атака синей армии полностью провалилась, после чего все оставшиеся дни маневров отряд генерала Гамильтона был вынужден отступать и действовать преимущественно в обороне [12, л. 10/об.–33]. Комментируя события 2 сентября, капитан Н.Л. Голеевский в отчете писал: «Причину этого решения надо, казалось бы, искать в неуверенности, граничащей с неосведомленностью, генерала Гамильтона относительно действий противника и в некоторой предвзятости решать все задачи исключительно наступлением» [12, л. 13/об.]. Кроме того, для командующего синим отрядом была характерна неверная оценка складывающейся ситуации на поле боя, в связи с чем он неоднократно отдавал приказы об отступлении, когда войска противника еще при свете дня подходили к позициям синего отряда на расстояние «наиболее действительного ружейного огня, а местами прямого выстрела» [12, л. 22/об.]. Капитан Н.Л. Голеевский считал логику подобных решений генерала Я. Гамильтона совершенно «непостижимой».

В то же время критике подвергались и действия генерала Ф. Стопфорда, зачастую проявлявшего пассивность и излишнюю осторожность. По мнению российского военного агента, «нанеся накануне тяжелый удар отряду генерала Гамильтона, командующий красной стороной естественно должен был на следующий день развивать свой успех с возможной энергией» [12, л. 17]. Однако генерал Стопфорд решил отступить на безопасные позиции и только с рассветом следующего дня начать преследование отступавших. Дальнейшие планы командующего красной армией были сорваны в связи с полной дезорганизацией системы снабжения его отряда. В ночь с 2 на 3 сентября транспортные фургоны полностью загромодили дороги в тылу красных, из-за чего к утру 3 сентября войска генерала Стопфорда не имели «ни костров, ни одеял, ни палаток, ни пищи». При этом, по свидетельствам капитана Н.Л. Голеевского, британские солдаты «скитались по деревьям в поисках пищи, были случаи кражи и грабежа» [12, л. 14/об.]. Потеряв целый день, только к 4 сентября красная армия возобновила преследование синего отряда.

В ходе последующих столкновений генерал Стопфорд стремился осуществлять фланговые обходы оборонительных построений генерала Гамильтона с целью выхода к нему в тыл, предварительно проводя демонстративные атаки как с

фронта, так и с различных флангов. Тем не менее, нередко проявляя пассивность и нерешительность, командующий красной армией позволял раз за разом синему отряду отступать на новые оборонительные рубежи. В этой связи капитан Н.Л. Голеевский критиковал генерала Стопфорда, поскольку тот предпочитал следовать «за отступающим противником по пятам, вместо того чтобы охватывать его с фланга» [12, л. 32/об.].

Таким образом, маневры 1907 г. выявили серьезные недостатки в системе подготовки британской армии, особенно ее высшего командного состава. Тем не менее эти учения наглядно продемонстрировали, что британское командование стремилось, с одной стороны, подготовить войска к борьбе с высадкой вражеского, прежде всего германского, десанта, с другой – рассмотреть вероятность успешного отступления и эвакуации десанта в случае его высадки на побережье другой страны.

Следующий отчет, обнаруженный нами в РГВИА, был посвящен маневрам, проводившимся в период с 19 по 23 сентября 1910 г. Они отличались гораздо большим масштабом: в учениях принимали участие около 50 тыс. чел., также разделенные на две армии – красную под командованием генерала Герберта Плюмера и синюю под командованием генерала Чарльза Дугласа. Важной особенностью маневров, по мнению российских военных агентов, стало участие в составе красного отряда полностью мобилизованной 2-й пехотной дивизии Олдершотского военного округа, что позволяло оценить новую организацию полевых частей БЭС по условиям военного времени [16, л. 25].

Легенда учений фактически воспроизводила контуры британского военно-стратегического мышления данного периода, направленного на сдерживание германского вторжения через территорию Бельгии в обход левого фланга французской армии. Предполагалось, что синий отряд генерала Дугласа, двигаясь из Шрусбери, осуществил обход левого фланга мнимых главных сил красной стороны в Глостершире через территорию графства Уилтшир с намерением наступать далее на Лондон. В задачи генерала Плюмера входило остановить продвижение неприятеля к столице в районе Солсбери [16, л. 29–30].

Как свидетельствуют документы, первоначально российские военные агенты в Лондоне не сочли данные мероприятия достойными внимания аналитиков ГУГШ, поскольку сам отчет был переслан в Петербург только спустя год после описываемых в нем событий, ввиду того, что учения 1911 г. были отменены из-за разгоревшегося Агадирского кризиса [16, л. 7]. В отчете подполковника Н.Л. Голеевского маневры 1910 г. характеризовались как «бессодержательные» и

«скучные», а главный бой, состоявшийся 23 сентября оказался, по его наблюдениям, совершенно «беспорядочным» [16, л. 34–40]. Вследствие чего, эти учения практически не давали «пищи» для соответствующего анализа. Однако российские военные наблюдатели выделяли и положительные стороны прошедших в 1910 г. маневров, в частности отмечая, что «как опыт действий мобилизованной дивизии и службы тыла маневры нужно признать не только интересными, но и удовлетворительно успешными» [16, л. 40].

В сентябре 1912 г. были проведены очередные маневры, которые расцениваются историками в качестве «генеральной репетиции» британской армии к Первой мировой войне [20, р. 99–131]. Довольно характерно, что в отчете по итогам этих учений российский военный агент генерал Н.С. Ермолов четко обозначил красную и синюю армии именно как «Германию» и «Англию» соответственно [3, с. 18], что позволяло специалистам ГУГШ с большей долей вероятности рассчитывать на участие Великобритании в предстоящем общеевропейском конфликте. Не вдаваясь в подробности проведения самих маневров, отметим, что они были завершены раньше изначально предполагавшегося срока. С точки зрения генерала Н.С. Ермолова, эта мера была продиктована политическими соображениями, поскольку к предпоследнему дню маневров синий отряд практически осуществил тактическое окружение красной армии, в связи с чем «было признано желательным дать общественному мнению впечатление, что победил обороняющийся, т.е. Англия» [3, с. 19].

С 22 по 26 сентября 1913 г. на территории графств Бакингемшир и Нортгемптоншир были проведены последние предвоенные маневры британской армии. Официально они именовались армейскими тактическими учениями (Army Tactical Exercise), поскольку участвовавшие в них войска следовали конкретному плану и графику передвижения, которые должны были привести к заранее определенному результату. В отличие от предыдущих ежегодных маневров эти учения проводились исключительно для оценки работы ставки главнокомандующего и штаба БЭС. В маневрах были задействованы 4 пехотные и 1 кавалерийская дивизии, объединенные в коричневый отряд, под общим командованием фельдмаршала Дж. Френча. В случае начала войны именно ему предстояло возглавить БЭС. По плану учений коричневому отряду противостояла белая армия под командованием генерал-майора Чарльза Монро [16, л. 87–90].

Важной деталью маневров 1913 г. было введение в легенду конкретной политической обстановки, которая в общих чертах соответствовала реальному раскладу сил накануне Первой мировой войны. При этом легенда наглядно отражала логику

мышления высшего военного командования Великобритании и избранную им стратегию противостояния со Вторым рейхом. Предполагалось, что вооруженный конфликт развернется между тремя странами – Белой, Зеленой и Коричневой или, проще говоря, между Германией, Францией и Великобританией соответственно. В докладе генерала Н.С. Ермолова указывалось: «Белая и Зеленая страна находятся между собой в традиционной вражде, Белая же и Коричневая страны были в дружеских отношениях. В виду сего главные силы Белой страны располагаются вдоль северо-западной границы ее соседа. Однако отношения Коричневой и Белой стран стали постепенно портиться, главным образом, благодаря зависти к коммерческому благосостоянию Белой страны. Коричневая страна заключила секретный союз с Зеленой страной. Обе эти союзные страны умышленно обостряют отношения с Белой страной и мобилизуют свои войска с целью перейти к совместному наступлению» [16, л. 92]. По легенде маневров армия Белой страны (Германии) составляла 12 пехотных и 4 кавалерийских дивизий против 9 пехотных и 3 кавалерийских дивизий у Зеленой страны (Франции). Тем не менее вступление в войну Коричневой страны (Великобритании) за счет ее 4 пехотных и 1 кавалерийской дивизий давало союзникам численное превосходство над белой армией [16, л. 92].

Генерал-лейтенант Н.С. Ермолов в отчете констатировал, что в сравнении с предыдущими годами «тактическая подготовка войск сделала несомненные успехи, в особенности в пехоте». Однако, по его общему заключению, «как и в предшествующие года, главным недостатком британской армии следует признать плохую работу войсковых штабов и отсутствие военных организаторских способностей» [16, л. 104]. Как указывал генерал Н.С. Ермолов, в ходе учений распорядка по коричневому отряду регулярно «запаздывали», вследствие чего «24 сентября была потеряна связь между двумя бригадами наступавшего коричневого отряда, 25 сентября было замечено отсутствие должной связи между обходящей колонной и главными силами, что повело к преждевременной атаке сначала передового пункта главной позиции (противника. – А.А.), а затем и самой главной позиции недостаточными силами» [16, л. 93].

Несмотря на сохранявшиеся недостатки в системе подготовки британской армии, все же рапорты и наблюдения российских военных агентов в Лондоне позволяли, как нам представляется, в достаточной степени оценить вероятность участия Великобритании в предстоящем общеевропейском конфликте. Как справедливо указывают Е.Ю. Сергеев и А.А. Улунян, аналитика россий-

ских военных представителей «не оставляла сомнений в окончательном переходе Англии на рельсы форсированной подготовки <...> к схватке за сохранение мирового лидерства, вызов которому бросила Германия» [18, с. 204].

Взгляды российской военной разведки в Лондоне подтвердили события Агадирского кризиса 1911 г. По мере его эскалации российские военные агенты сообщали в Петербург о полной решимости Великобритании вмешаться во франко-германский конфликт. Данная информация подтверждалась сведениями, поступавшими из Парижа от российского «дипломата в погонах» генерал-майора Григория Ивановича Ностица [14, л. 32, 40–40/об.]. Согласно донесению генерала Н.С. Ермолова, на Британских островах представители различных военных, политических и общественных кругов сходились в едином мнении, что «если война вспыхнет, то она будет всеобщей...», в связи с чем Великобритания обеспечит всю необходимую поддержку Франции [14, л. 47].

Стоит отметить, что, в отличие от франко-британской Антанты, «согласие» Великобритании с Россией, как указывает Е.В. Романова, не являлось действительно «сердечным» [10, с. 124], ввиду сохранявшихся противоречий двух великих держав на Балканах, Ближнем и Среднем Востоке, лишь отошедших на второй план в связи с фактором германской угрозы [6, с. 410–411; 17, с. 106–107]. Во время разгоревшейся 1-й Балканской войны британские политики, согласно донесению генерала Н.С. Ермолова от 5 (18) декабря 1912 г., «не желали бы быть втянуты в войну из-за Сербии» [18, с. 349], что недвусмысленно демонстрировало расстановку стратегических приоритетов Лондона в рамках Тройственного соглашения, так как Балканское направление являлось традиционной сферой именно российских интересов.

Наиболее явственно хрупкость российско-британского «согласия» проявилась в свете отправления миссии военного министра Р. Холдейна в Германию с целью урегулирования противоречий Лондона и Берлина [6, с. 405–408; 19, с. 112–113]. Несмотря на ее провал, российский военный агент Н.С. Ермолов в донесении от 1 (14) февраля 1912 г. констатировал, что «прочность англо-русского соглашения со стороны Англии зиждется <...> главным образом на боязни Англии перед Германией». В случае же устранения англо-германской переменной из уравнения общеевропейского конфликта российский военный эксперт справедливо полагал, что «тогда опять тотчас же возникнут все прежние наши распри и пререкания с Англией из-за Средней Азии, Персии, Афганистана и Индии» [11, с. 130]. В связи подобной двойственной позицией британского

правительства совершенно не вызывает сомнений логика высшего российского командования, продолжавшего разрабатывать военные планы на случай войны с Великобританией в Центральной Азии вплоть до начала Первой мировой войны, невзирая на соглашение 1907 г. [1, 360–385].

Учитывая взаимное недоверие Петербурга и Лондона, уровень военного сотрудничества между Россией и Великобританией в преддверии Великой войны был очень низким. Как констатирует Е.В. Романова, «в британских планах войны с Германией гораздо больше места уделялось взаимодействию с Францией, чем с Россией» [10, с. 123]. Однако справедливости ради стоит указать, что логика Имперского Генерального штаба исходила из перспективы, что БЭС фактически станут дополнением французской армии [7, с. 204–205; 19, с. 106–107; 21, р. 176–179]. По этой причине кажется вполне естественным, что, согласовывая свои действия с командованием Третьей республики, британские генералы не видели нужды в аналогичных консультациях со специалистами российского ГУГШ. В то же время британские офицеры, напрямую причастные к планированию военной стратегии Соединенного Королевства накануне Первой мировой войны, все же считали необходимым своевременно информировать российских военных агентов о вероятных действиях Великобритании в случае эскалации конфликта с Германией.

После принятия решения британским правительством в 1912 г. о передислокации боевых судов в Северное море фактически защита средиземноморской акватории становилась обязанностью французского флота [8, с. 329–330]. В этой связи начальник оперативного отдела Имперского Генерального штаба Генри Вильсон в частном разговоре уведомил генерала Н.С. Ермолова о том, «что в настоящее время Англия считает себя еще более связанной с Францией в смысле оказания ей помощи, нежели даже во времена Агадира», и в случае войны с Германией «Англия несомненно <...> будет помогать Франции и флотом в Северном море, и оправкой на континент экспедиционной армии» [14, л. 47–47/об.; 18, с. 349]. 6 (29) ноября 1913 г. начальник Имперского Генерального штаба фельдмаршал

Дж. Френч также сообщил генерал-лейтенанту Н.С. Ермолову о том, что «всю <...> массу экспедиционной армии предположено в случае войны с Германией в 18-ти дневный срок мобилизовать и перебросить из Ньюхейвена в Дьеп, откуда двинуть их по соглашению с французским Генеральным штабом в Северную Францию» [14, л. 56].

Информация, поставляемая из Лондона в Петербург, закладывалась в фундамент российского военно-стратегического планирования накануне Первой мировой войны. Как свидетельствуют исследования О.Е. Алпеева, в апреле 1914 г. в Киеве была проведена большая стратегическая военная игра старших войсковых начальников, в легенду которой ложилось предположение о том, что в случае войны между Россией и Францией с одной стороны и Германией и Австро-Венгрией с другой Великобритания перебросит свои экспедиционные войска в Европу для поддержки союзников по Тройственному соглашению [2, с. 19]. Фактор британского вмешательства стал важным компонентом военной игры, поскольку высадка БЭС вынуждала командующего германской стороной начать спешную переброску трех корпусов с Восточного фронта на Западный, что в свою очередь позволяло российской стороне отразить нападение германских сил и успешно осуществить вторжение в пределы Восточной Пруссии [2, с. 21].

Заключение (выводы). Таким образом, следует констатировать, что российские военные агенты в Лондоне в предвоенное десятилетие в целом верно оценивали переориентацию внешней политики и военной стратегии Великобритании на конфронтацию с Германией. Об этом свидетельствовал прежде всего характер мероприятий, систематически проводимых британским Военным ведомством, по оптимизации и модернизации сухопутных вооруженных сил, а также по отработке конкретных боевых сценариев в ходе ежегодных армейских маневров. В связи с совокупностью всей информации, поступавшей от военных агентов в Лондоне, российские военные власти получали достаточно полную картину о стратегии Великобритании накануне Великой войны, что позволяло вносить соответствующие коррективы в российские предвоенные планы.

Список литературы

1. Алпеев О.Е. «Священный огонь» русского Генерального штаба. Планирование «похода в Индию» военным ведомством России, 1885–1914 гг. // Русский сборник: исследования по истории России XIX–XX вв. Т. 26: Россия и война: междунар. науч. сб. в честь 75-летия Брюса Меннинга. М.: Модест Колеров, 2018. С. 320–387
2. Алпеев О.Е. Стратегическая военная игра старших войсковых начальников в Киеве 20–24 апреля 1914 года // Военно-исторический журнал. 2019. № 10. С. 14–23
3. Англия. Большие маневры в сентябре 1912 г. // Сборник Главного управления Генерального штаба. 1913. Вып. 4. С. 18–38

4. Власов Н.А. Путь к катастрофе. Внешняя политика Германской империи. 1871–1918. СПб.: Евразия, 2021. 224 с.
5. Вооруженные силы Британской империи: (по данным к 1 января 1911 года) / Гл. упр. Ген. штаба. СПб.: Изд. Отдела Генерал-квартирмейстера, 1911. 211 с.
6. Кларк К. Сомнамбулы: Как Европа пришла к войне в 1914 году. М.: изд-во Института Гайдара, 2023. 696 с.
7. Лиддел-Гарт Б. Решающие войны в истории. Развитие военного искусства от сражений в Древней Греции до Первой мировой войны. М.: Центрполиграф, 2021. 288 с.
8. Лихарев Д.В. Флот и военно-морское ведомство Великобритании на пути к Первой мировой войне. 1900–1914. СПб.: Евразия, 2021. 368 с.
9. Международные отношения в эпоху империализма. Сер. 2. Т. 19. Ч. 2. Л.: Гос. изд-во полит. лит., 1939. 551 с.
10. Романова Е.В. Россия в британской стратегии // Россия в стратегии Первой мировой войны: в 2-х кн. Кн. 1. Россия в стратегии Антанты. СПб.: изд-во РХГА, 2014. С. 115–164
11. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 977
12. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 984
13. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 988
14. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3363
15. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3686
16. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 1. Д. 3689
17. Сергеев Е.Ю. Российская и британская империи накануне Первой мировой войны: сотрудничество или противостояние? // Россия начала XX века в преддверии и в ходе Первой мировой войны (1913–1917 гг.). М.: Известия, 2021. С. 103–109
18. Сергеев Е.Ю., Улунян А.А. Не подлежит оглашению: Военные агенты Российской империи в Европе и на Балканах, 1900–1914. М.: Реалии-Пресс, 2003. 480 с.
19. Фергюсон Н. Горечь войны: новый взгляд на Первую мировую. М.: АСТ: Corpus, 2019. 635 с.
20. Batten S. Futile Exercise?: The British Army's Preparations for War 1902–1914. London: Helion Limited, 2018. 235 p.
21. Beckett I., Bowman M., Connelly M. The British Army and the First World War. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 482 p.
22. McDermott J. The Revolution in British Military Thinking from a Boer War to the Moroccan Crisis // The War Plans of the Great Powers, 1880–1914. London: Routledge, 2014. P. 99–117
23. Williamson S.R. The Politics of Grand Strategy: Britain and France Prepare for War, 1904–1914. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1969. 409 p.

GREAT BRITAIN'S STRATEGY ON THE EVE OF THE GREAT WAR AS ASSESSED BY RUSSIAN MILITARY AGENTS IN LONDON

The article examines British military strategy in the years leading up to the outbreak of the First World War through the prism of analysis of Russian military agents in London. Such research optics allows us to more objectively consider, from the position of competent military-diplomatic representatives of the Russian Empire, the actions of the government of the United Kingdom and the high command of the British army in the pre-war decade in the context of the developing military-political crisis in Europe. The source base for the study was the materials of reports of Russian military agents in London for the period 1905 – 1913. These reports contain valuable information about the preparation of the British Army and its high military command for the First World War. The preparation consisted of optimizing the military forces and practicing, through annual military maneuvers, various combat scenarios in which the British Army could directly participate. Based on the study, a conclusion is formulated that Russian military agents quite correctly read the current British strategy aimed at supporting France in the upcoming armed conflict with Germany. In turn, information supplied from London to St. Petersburg formed the foundation of Russian military-strategic planning on the eve of the First World War.

Keywords: World War I, Great Britain, Germany, Russia, France, military intelligence, military strategy, military agents, military maneuvers.

References

1. Alpeev O.E. (2018) «Svyashchennyj ogon'» russkogo General'nogo shtaba. Planirovanie «pohoda v Indiyu» voennym ведомством России, 1885 – 1914 гг. // Russkij sbornik. Rossiya i vojna: mezhdunarodnyj nauchnyj sbornik v chest' 75-letiya Bryusa Menninga, T. 26, [“Sacred Fire” of the Russian General Staff. Planning of a “campaign to India” by the Russian military department, 1885–1914 // Russian digest. Russia and War: International Scientific Digest in Honor of Bruce Manning's 75th Anniversary, Vol. 26], s. 320–387
2. Alpeev O.E. (2019) Strategicheskaya voennaya igra starshih vojskovykh nachal'nikov v Kieve 20–24 aprelya 1914 goda // Voенно-istoricheskij zhurnal [The Strategic War Game by Senior Army Leaders in Kiev on 20–24 April, 1914 // Military Historical Journal], No. 10, p. 14–23

3. Angliya. Bol'shie manevry v sentyabre 1912 g. // Sbornik Sbornik Glavnogo upravleniya General'nogo Shtaba [England. Great maneuvers in September 1912 // Compilation of the Main Directorate of the General Staff], 1913, No. 8, p. 18–38
4. Vlasov N.A. (2021) Put' k katastrofe. Vneshnyaya politika Germanskoj imperii. 1871–1918 [The Path to Disaster. Foreign Policy of the German Empire. 1871–1918]. Saint-Petersburg. 224 p.
5. Vooruzhennye sily Britanskoj imperii. Sankt-Peterburg [Military Forces of the British Empire]. Saint-Petersburg, 1911, 211 s.
6. Klark K. (2023) Somnambuly: Kak Evropa prishla k vojne v 1914 godu [The Sleepwalkers: How Europe Went to War in 1914]. Moscow, 696 p.
7. Liddel-Gart B. (2021) Reshayushchie vojny v istorii. Razvitie voennogo iskusstva ot srazhenij v Drevnej Grecii do Pervoj mirovoj vojny. [The Decisive Wars of History]. Moscow, 288 p.
8. Liharev D.V. Flot i voenno-morskoe vedomstvo Velikobritanii na puti k Pervoj mirovoj vojne. 1900–1914 [The British Navy and Admiralty on the Road to the First World War. 1900–1914]. Saint-Petersburg, 368 p.
9. Mezhdunarodnye otnosheniya v epohu imperializma. [International Relations in the Era of Imperialism. Ser. 2. T. 19. Part 2]. Leningrad, 1939. 551 p.
10. Romanova E.V. (2014) Rossiya v britanskoj strategii // Rossiya v strategii Pervoj mirovoj vojny: v 2-h kn. Kn. 1. Rossiya v strategii Antanty. [Russia in British strategy // Russia in the strategy of the First World War: in 2 books. Book 1. Russia in the Entente strategy]. Saint-Petersburg, , p. 115–164
11. Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskiy arkhiv (RGVIA) [Russian State Military Historical Archive]. F. 2000. Op. 1. D. 977
12. RGVIA. F. 2000. Op. 1. D. 984
13. RGVIA. F. 2000. Op. 1. D. 988
14. RGVIA. F. 2000. Op. 1. D. 3363
15. RGVIA. F. 2000. Op. 1. D. 3686
16. RGVIA. F. 2000. Op. 1. D. 3689
17. Sergeev E.YU. (2021) Rossijskaya i britanskaya imperii nakanune Pervoj mirovoj vojny: sotrudnichestvo ili protivostoyanie? // Rossiya nachala XX veka v preddverii i v hode Pervoj mirovoj vojny (1913–1917 gg.). [Russian and British empires on the eve of the First World War: cooperation or confrontation? // Russia at the beginning of the 20th century on the eve of and during the First World War (1913–1917)]. Moscow, p. 103–109
18. Sergeev E.Yu. & Ulunyan A.A. (2003) Ne podlezhit oglasheniyu: Voyennyye agenty Rossiyskoj imperii v Yevrope i na Balkanakh, 1900 – 1914. [Confidential. Military Agents of Russian Empire in Europe and Balkan peninsula. 1900–1914]. Moscow, 480 p.
19. Ferguson N. (2019) Gorech' vojny: novyj vzglyad na Pervuyu mirovuyu. [The Pity Of War: Explaining World War I]. Moscow, 635 p.
20. Batten S. (2018) Futile Exercise?: The British Army's Preparations for War 1902–1914. London: Helion Limited, 235 p.
21. Beckett I., Bowman M., Connelly M. (2017) The British Army and the First World War. Cambridge: Cambridge University Press, 482 p.
22. McDermott J. (2014) The Revolution in British Military Thinking from a Boer War to the Moroccan Crisis // The War Plans of the Great Powers, 1880–1914. London: Routledge, P. 99–117
23. Williamson S.R. (1969) The Politics of Grand Strategy: Britain and France Prepare for War, 1904–1914. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 409 p.

Об авторе

Арбеков Александр Борисович – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Тульский государственный музей оружия, старший преподаватель, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого (Россия), E-mail: arbekoff-alex@ya.ru

Arbekov Alexander Borisovich – Candidate of Historical Sciences, Researcher, Tula State Arms Museum, senior lecturer, Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University (Russia), E-mail: arbekoff-alex@ya.ru